

Советский футбол по документам ЦК КПСС*

Интервью с М. Ю. Прозуменщиковым

Михаил Прозуменщиков

Кандидат исторических наук, заместитель директора
Российского государственного архива новейшей истории
Адрес: Софийская наб., д. 34, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 115035
E-mail: rgani@gov.ru

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Марина Пугачева

Старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Заместитель главного редактора журнала «Социологическое обозрение»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: puma7@yandex.ru

За последние сто лет футбол из простой игры-развлечения превратился в один из факторов мировой политики, оказывающий влияние не только на умы и души сотен миллионов болельщиков, но и на политические, экономические, социальные аспекты современной жизни. В интервью с ведущим исследователем отечественного спорта М. Ю. Прозуменщиковым, одним из составителей сборника документов, выявленных в Российском государственном архиве новейшей истории, речь идет о создании советской системы партийного контроля над большим спортом (и прежде всего футболом), о взглядах руководителей СССР на возможность использования футбола в идеологических целях, о роли советского государства в поддержке и развитии массового футбольного движения. Также затронуты вопросы системы архивного хранения документов по спорту в СССР. Вначале обсуждается история возникновения издательской серии, посвященной спортивным мегасобытиям с участием советских спортсменов — Олимпиады-80, зимним Олимпийским играм и большому футболу. Далее исследователь рассказывает о трудностях, связанных с поиском релевантных документов о советском спорте в существующем архивном ландшафте современной России. Основная часть беседы посвящена структурным проблемам отечественного спорта, начиная с раннего СССР и заканчивая распадом системы госспорта при М. С. Горбачеве. В качестве отдельных тем затрагиваются такие важнейшие проблемы спортивного движения в Советском Союзе, как интернационализация советско-

---

© Прозуменщиков М. Ю., 2018

© Кильдюшов О. В., 2018

© Пугачева М. Г., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-173-194

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Реакция, справедливость и прогресс: социальный порядок в перспективе фронетических социальных наук», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

го спорта вообще и спортивные взаимоотношения со странами социалистического лагеря в частности, баланс власти между ЦК, Спорткомитетом и другими значимыми акторами этого поля, «банальный национализм» на трибунах советских стадионов и мн. др. Завершается интервью обсуждением перспектив спортивно-исторических исследований.

Ключевые слова: архивы РФ, СССР, спорт, футбол, ЦК КПСС, Спорткомитет, национализм

М. Г. Пугачева: Михаил Юрьевич, хотя в преддверии чемпионата мира мы решили сосредоточиться в нашем интервью в основном на Вашей публикации об истории советского футбола¹, нельзя не вспомнить всю великолепную серию изданных Российским государственным архивом новейшей истории (РГАНИ) документов по партийному руководству спортом в СССР. Вы выступили одним из ее составителей и автором предисловий. Поэтому первый и естественный вопрос: кто был инициатором этих изданий? Каков Ваш личный интерес в этом деле как архивиста и, возможно, как любителя спорта?

М. Ю. Прозуменщиков: Не хочу хвастаться, но в какой-то степени я действительно стоял у истоков всего этого. Как известно, ЦК КПСС в советское время занимался буквально всем, за всё хватался, всё старался контролировать, всем руководить. И у нас в архиве есть документы практически по любому направлению: о культуре, науке, экономике — всё что угодно.

И, тут Вы правы, я — любитель спорта, в том числе и футбола (сам когда-то им занимался). Как архивист я несколько раз случайно наткнулся на очень интересные документы ЦК КПСС, посвящённые спорту вообще и футболу в частности, в которых связанные с ними проблемы обсуждались на высшем уровне. Меня заинтересовало — а что ещё есть в нашем архиве? И я параллельно со своей основной работой стал заниматься, так сказать, изыскательской деятельностью. В фондах архива ЦК КПСС оказалось неожиданно много документов, причём самых разных. Сразу стоит сказать, что вопросы футбола на протяжении разных лет курировались разными отделами ЦК. В 1950-е годы это был Отдел административных органов (кстати, здесь же было здравоохранение и тюрьмы). Потом — Отдел пропаганды, что как бы логично. Но спортивные вопросы рассматривались и на Политбюро, особенно крупные международные мероприятия. Всевозможные комиссии принимали решения о выезде спортсменов за границу. На заседаниях Секретариата также обсуждались спортивные темы. Даже в личных фондах генеральных секретарей можно найти документы по спорту. Хотя кроме Брежнева, ни Сталин, ни Хрущёв особенно спортом не увлекались.

1. Томилина Н. Г., М. Ю. Прозуменщиков (сост.). (2017). Игра миллионов под партийным контролем: советский футбол по документам ЦК КПСС. М.: Международный фонд «Демократия». Презентация сборника прошла на конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15–16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами: <https://cfs.hse.ru/announcements/213582209.html>.

Таким образом, набралось огромное количество документов, во-первых, относящихся к спорту как таковому (в том числе о спортивной прессе, строительстве стадионов и т. д.), а во-вторых, документов, позволяющих судить, какое место в Советском Союзе отводилось спорту. Речь идет о спорте высших достижений, не о физкультуре (о ней документы тоже есть, но их не очень много), которому в советском обществе отводилась значительная роль, и поэтому партийное руководство действительно держало его под своим контролем.

М. Г. Пугачева: Сегодня у нас в стране баланс между спортом высших достижений и массовым низовым спортом совершенно иной, чем в Советском Союзе. Можно ли сказать, что сейчас власть интересуется только спортом высоких достижений?

М. Ю. Прозуменщиков: Нет, все-таки и сейчас что-то пытаются возродить, отчасти за счёт энтузиазма, но в советское время это был — если можно так сказать — «разумный баланс». По всей стране существовало огромное количество детско-юношеских спортивных школ, всевозможных спортивных баз. Акцент делался именно на детский и юношеский спорт, откуда должны были рекрутироваться будущие чемпионы. Это была забота о будущем, о развитии страны. Конечно, здесь присутствовал и идеологический элемент воспитания молодежи, но я бы сказал, что в данном случае он применялся очень удачно: множество мальчишек и девчонок занимались спортом. Так что «низ» пирамиды спорта был очень мощный. За счёт этого советский спорт так долго и продержался — даже после того, как развалился сам Советский Союз. Сейчас мы столкнулись с тем, что этот задел исчерпан. Но еще в 1990-е годы при общем развале и разрухе наши спортсмены всё-таки продолжали удачно выступать.

Если возвращаться к архивному фонду, то большинство обнаруженных партийных документов, безусловно, имело отношение к большому спорту. Что касается массового спорта, то в основном речь шла о решении «технических» задач: подготовка тренеров для молодежи, финансирование, строительство баз и т. д. Возможно, это менее интересно, но в принципе и эти документы показывают, что государство уделяло большое внимание спорту.

О. В. Кильдюшов: С чего начался собственно проект по изданию документов?

М. Ю. Прозуменщиков: Сначала я просто написал монографию «Большой спорт и большая политика»². После ее выхода я думал, что всё на этом закончится. Дело в том, что документы ЦК КПСС изначально имеют гриф «Секретно» и решение о снятии этого грифа может принимать только специальная комиссия. Ни наш архив, ни Росархив такого права не имеют. А тут к нам стали поступать еще и новые документы из Архива Президента. На носу был 2010 год — 30-летие Московской Олимпиады. Ну и меня, как говорится, чёрт дёрнул предложить сделать выставку документов об Олимпиаде-80, ведь такое событие проводилось в нашей стране только один раз. А поскольку инициатива наказуема, то нам сказали: «Раз

---

2. Прозуменщиков М. Ю. (2004). Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН.

так, то ваш архив и будет заниматься этим делом». Не Государственный архив РФ (ГАРФ), где хранятся документы Спорткомитета, а именно мы, РГАНИ (хотя, конечно, мы задействовали и другие архивы, в том числе ГАРФ). Под это дело мы рассекретили большое количество документов, которые и показали в 2010 году на выставке «Пять колец под кремлевскими звездами». Одноименный сборник документов вышел в 2011 году³. Вот так возникла эта серия. А потом началась подготовка к Сочи, и вышестоящие органы спросили, нет ли у нас материалов по зимним олимпиадам. А постольку они у нас, конечно, есть, то пришлось делать следующую выставку, к которой мы выпустили второй сборник «Белые игры под грифом „секретно“»⁴. А сейчас, когда стал приближаться футбольный мундиаль, было принято решение подготовить третью книгу. Но поскольку имеющиеся у нас документы по чемпионатам мира по футболу не очень интересные, мы решили сделать сборник о футболе в целом: о футболе внутри СССР, о международном футболе, что более интересно читателям. Таким образом, все сборники посвящены трем крупным спортивным событиям, которые проходили в нашей стране только раз. Так и получилась эта серия из трёх книг, посвящённых советскому спорту. Они были изданы Международным фондом «Демократия», основанным академиком А. Н. Яковлевым. У нас есть планы выложить эти сборники в Интернет.

М. Г. Пугачева: Помимо РГАНИ и ГАРФ, где еще можно найти материалы по советскому спорту?

М. Ю. Прозуменщиков: При публикации этих сборников мы прежде всего опирались на свои фонды. Недаром в них мы подчёркиваем: «по документам ЦК», «под контролем ЦК». Для нас было важно показать историю спорта именно под этим углом зрения. Если же кто-то интересуется историей советского спорта в целом, тому надо идти в ГАРФ, потому что там хранятся документы Спорткомитета СССР. Также отдельные документы за период 1920-х — начала 1950-х годов есть в РГАСПИ, но их не очень много, а в остальные архивы, конечно, нужно просто идти и очень много рыть. Например, в том же Российском государственном военном архиве могут быть документы, связанные с ЦСКА, но их придется специально искать. Хотя в Министерстве обороны и был орган, который курировал спорт, но документация скорее всего, что называется, рассыпана по разным подразделениям. Как и в нашем архиве: в принципе в ЦК всегда был отдел, который курировал спорт, но и у нас эта документация разрознена. Какой-нибудь секретарь ЦК мог заинтересоваться вопросом и не всегда возвращал документ обратно — ему давали его на подпись, и он мог оставить его у себя. И тогда документ оставался в фонде Секретариата. Причём секретарь мог заниматься вопросами сельского хозяйства!

3. Томилина Н. Г. (ред.), Конова Т. Ю., М. Ю. Прозуменщиков (сост.). (2011). Пять колец под кремлевскими звездами: документальная хроника Олимпиады-80 в Москве. М.: Международный фонд «Демократия».

4. Томилина Н. Г. (ред.), Казарина И. В., М. Ю. Прозуменщиков (сост.). (2013). Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. М.: Международный фонд «Демократия».

Иногда мы находили документы о футболе в таких местах, в которые, казалось бы, им вообще никак не попасть. Например, Международный отдел ЦК. Там решались серьёзные вопросы политики, экономики, межпартийных отношений, и вдруг попадается документ о том, как наши футболисты играли матч за рубежом, или, наоборот, иностранные футболисты у нас. Как такие вещи можно обнаружить? Только полистным просмотром всех дел. Или возьмем, например, запись беседы какого-нибудь советского посла с каким-то представителем: сначала говорится о США, о войне во Вьетнаме и вдруг неожиданно в конце про «хороший футбол». И этот кусочек очень интересен, очень значим для тех, кто интересуется спортом и вообще культурной историей. А 10 страниц этого документа совсем о другом и в описи документ фигурирует под другим заголовком, поскольку в заголовке никто не напишет, что в конце идёт очень интересное обсуждение матча. Так что это — чисто исследовательская работа.

М. Г. Пугачева: Вы сказали о фондах РГАНИ, ГАРФ, РГАСПИ, вероятно, стоит упомянуть бывшие республиканские и областные партийные архивы. Но не менее интересен ещё один вид архивов — архивы бывшего КГБ. Какого рода документы по спорту могли отложиться там?

М. Ю. Прозуменщиков: Это я могу только предполагать, потому что архивы КГБ, как известно, достаточно закрыты. То, что частично поступало к нам, это в основном материалы о всевозможных нарушениях. Конечно, в среде спортсменов было меньше политики: что-то связанное с валютой, нарушениями на таможне, с поведением за границей. Иногда делались обзоры об аморальном поведении в быту. Плюс перед крупными международными соревнованиями, например, в преддверии знаменитой Олимпиады в Лос-Анджелесе 1984 года делались информационные справки о том, что творится в Америке, какая там обстановка. Ну и если кто-то — какая-то известная личность — сильно проштрафился, на него могли написать в ЦК. Иными словами, КГБ в основном подмечал какие-то недостатки, ошибки и сигнализировал о них в ЦК, однако сам не делал никаких выводов, просто давал информацию, оставляя принятие решений партийным органам.

Что касается того, что осталось у них в архиве, могу привести только один пример. Когда мы делали первую выставку по московской Олимпиаде, мы обратились к максимальному количеству архивов, музеев. С нашими коллегами из других архивов — ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ — никаких проблем не было, поскольку мы с ними хорошо знакомы и все находимся в одной системе. А, скажем, в Архив Президента или в Архив МИД мы должны обращаться через Росархив. Так вот, архив ФСБ долго не отвечал, а потом прислал 17 фотографий. Фотографии, конечно, интересные, но ни одного текстового документа по московской Олимпиаде оттуда нам не дали. Та же история повторилась с выставкой о зимних Играх. Но я не очень верю, что у них совсем ничего нет.

М. Г. Пугачева: Есть ещё один момент, который может быть отражён как раз в документах архива ФСБ: наблюдения за болельщиками, за фанатами, массовые драки, беспорядки на стадионах.

М. Ю. Прозуменщиков: Конечно, тема болельщиков в основном должна быть у них, потому что это правоохранительные органы. Причём это могли быть достаточно серьёзные вопросы: если беспорядки выходили на национальный уровень, это уже затрагивало вопросы межнациональных отношений.

М. Г. Пугачева: Есть еще один вид документов, который может быть интересен сегодня: в советское время в редакциях СМИ делали анализ писем читателей. Часть этих обзоров и даже собственно писем передавались в КГБ, который таким образом отслеживал умонастроения граждан через письма читателей.

М. Ю. Прозуменщиков: Мы использовали часть обзоров, которые КГБ направлял в ЦК. Такие обзоры делались и накануне Олимпиады-80. Нам их недавно передали из Архива Президента. В подавляющем большинстве этих обзоров используется стандартная схема: сначала речь идёт об ура-патриотических настроениях, потом говорится про отдельные недостатки — например, кто-то сказал: «За чем нам эта Олимпиада, лучше бы потратили деньги на граждан» и т. п.

Нужно признать, что в наших документах еще много лакун. Например, нам передали личный фонд Н. С. Хрущёва. Это большой и очень интересный фонд, но невозможно поверить, чтобы в личном фонде Хрущёва не было ни одного документа по венгерским событиям 1956 года, ни одного документа по его отношениям с церковью. Кроме того, Архив Президента нам до сих пор не передал так называемые «особые папки» Политбюро (пока переданы только за начало 1950-х годов). «Особая папка» — это такой комплекс документов, который формировался по определенному вопросу. Она хранилась отдельно, её приравнивали к первой форме допуска. Иногда мы видим постановление Политбюро, где обсуждался вопрос Министерства обороны или Министерства внутренних дел по поводу Олимпиады. И подпись: «Решение в особой папке». А ее у нас еще нет или то, что уже есть, нужно сначала рассекречивать. Поэтому, когда нас спрашивают про те или иные документы, мы говорим, что такие-то документы есть, а таких-то нет, но с очень большой оговоркой, со знаком вопроса. Ведь если их нет у нас, то это не значит, что их нет в природе. Мы все-таки надеемся, что эти пустоты когда-нибудь заполнятся.

М. Г. Пугачева: Несмотря на эти и другие трудности, Вы проделали огромную работу. У Ваших сборников прекрасное археографическое предисловие, отличная структура, научно-справочный аппарат. Я как архивист просто снимаю шляпу!

Ну а сейчас хотелось бы от архивной проблематики перейти непосредственно к спортивно-историческим вопросам.

О. В. Кильдюшов: Известный немецкий историк советского спорта Николаус Катцер⁵ в своей статье, публикуемой в этом же номере журнала «Социологическое обозрение», пишет о том, что большевики относительно поздно обратили внима-

---

5. Katzer N., Budy S., Köhring A., Zeller M. (eds.). (2010). Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society. Frankfurt am Main: Campus.

ние на такой важный социальный феномен, как футбол⁶. А что об этом говорят документы ЦК? Когда партийная оптика обнаружила столь новую для себя сферу заботы и, соответственно, контроля?

М. Ю. Прозуменщиков: Я не знаю, что именно имеет в виду профессор Катцер, говоря о позднем «обнаружении» партийными органами футбола, но в первое время большевикам вообще было не до спорта, поскольку сначала они решали другие программные задачи. А что касается интереса властей к футболу, как мне кажется, он становится особенно заметным ближе к концу 1920-х годов. Судя по отдельным документам и даже по каким-то ремаркам, оставшимся на документах высших руководителей, чувствуется, что именно тогда они начали проявлять определённый интерес к спорту. Но здесь, опять-таки, нужно исходить из того, что Советский Союз в конце 1920-х годов ожидал начала новой мировой революции в связи с глобальным экономическим кризисом, и, соответственно, предполагалось, что скоро рухнет вся старая система, включая систему всего буржуазного спорта, буржуазных олимпиад, а им на смену придет что-то новое. Поэтому сразу начали организовывать рабочие спартакиады, которые должны были заменить прежние олимпиады. И футбол был одной из основных частей этого плана. Когда советское руководство более или менее серьезно задумалось над тем, чтобы создать систему уже рабочего спорта, которая придет на смену спорту буржуазному, вот тогда футбол и стал главным видом.

М. Г. Пугачева: А футбол в глазах партии сразу стал главным видом спорта? Или вначале все виды были более или менее равноправны и лишь постепенно футбол начал доминировать?

М. Ю. Прозуменщиков: Конечно, в самом начале они были примерно равны по значимости, но футбол очень быстро взял верх в силу нескольких причин. Во-первых, массовость. Причем массовость и с точки зрения спортивной активности — существовало множество футбольных команд, и массовость со зрительской точки зрения. Ведь любое другое соревнование, например, по волейболу или баскетболу проводится на небольшой площадке, способной вместить лишь ограниченное число людей, хотя в те годы активно пытались развивать волейбол и в него действительно повсеместно играли. Но футбол — это всегда стадион, вмещающий огромную массу народа. И даже не важно, насколько большой это был стадион. Во-вторых, в футболе как командной игре сильно коллективистское начало. В-третьих, степень вовлеченности в происходящее на поле зрителей, которым необходимо куда-то выплеснуть накопившуюся энергию. Ведь при всем уважении к другим соревновательным видам, но без игрового элемента, например в легкой или тяжелой атлетике, интерес зрителей на трибунах всё-таки подвержен сильным перепадам. Он может усилиться во время забега, а потом наступает пауза до следующего старта, тогда как в футболе что-то происходит на протяжении всех 90 минут, мяч постоянно перемещается, все находится в непрерывном движении.

6. Катцер Н. (2018). Спорт и модерн в России XX века // Социологическое обозрение. Т. 17. № 2. С. 155–172.

Зрители весь матч не выходят из особого психического состояния, которое, по сути, является измененным состоянием сознания. Следующий притягательный момент в футболе — непрерывная ожесточенная борьба. Достаточно посмотреть очень популярный фильм 1936 года «Вратарь», чтобы увидеть, как играли в 1920–1930-е годы — это был очень жёсткий футбол с постоянными стыками, ударами. По сравнению с ним современный футбол — это скорее балетная постановка. Тогда же это был настоящий мужской вид спорта. Следует также учитывать тогдашнюю внешнеполитическую обстановку: в СССР думали, что война неизбежна, и к ней готовились. Именно отсюда возник физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне» — таким образом воспитывали новых людей, защитников Родины, прежде всего мужчин. Если вернуться к футболу, то здесь сошлось воедино очень много факторов. И советские руководители, увидев его популярность, приняли ее как данность.

О. В. Кильдюшов: Роберт Эдельман⁷ в своей книге «Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР» описывает несколько эксцессов, происходивших во время футбольных матчей в 1920–1930-х годах. Приведенные им случаи показывают, что иногда ситуация просто выходила из-под контроля властей — когда к насилию на поле подключались болельщики и порядок приходилось наводить с помощью конной милиции и т. п.⁸ В этой связи возникает вопрос: можно ли увидеть по опубликованным Вами документам, что именно интересовало власть применительно к футболу? Что конкретно они пытались в нем контролировать?

М. Ю. Прозуменщиков: Судя по документам, подобные вспышки насилия не очень волновали власти. Видимо, они рассматривались ими как неизбежный элемент данного вида спортивных соревнований, как выплеск энергии или как сублимация. И это действительно была сублимация, которая вполне допускалась. В любом случае в партийных документах 1920–1930-х годов не говорится о каких-то массовых беспорядках на поле, о том, как вели себя болельщики на трибунах. Тогда это еще воспринималось просто как данность. Следует учитывать и такой момент: Советский Союз в 1920–1930-е годы был почти полностью изолирован. Советские футболисты встречались с турками, с еще какими-то рабочими командами, которых легко обыгрывали, однако у нас не было опыта и даже культуры проведения спортивных состязаний, как во многих зарубежных странах. Хотя и за рубежом, если взять, к примеру, первый чемпионат мира в Уругвае в 1930 году, тоже были жесткие столкновения и там тоже игроков выносили с поля на носилках со сломанными ногами. Но всё-таки там это стало принимать все более культурные формы, а здесь из-за отсутствия контактов не у кого было этому учиться. Поэтому энергия часто выплёскивалась таким грубым образом.

---

7. См. интервью с Робертом Эдельманом: Эдельман Р., Бондаренко С. А., Кильдюшов О. В. (2017). Спорт помогает нам ответить на фундаментальные вопросы: интервью с Робертом Эдельманом // Социологическое обозрение. Т. 16. № 2. С. 275–283.

8. Эдельман Р. (2008). Серьезная забава: история зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт, АИРО-XXI. С. 93–94.

О. В. Кильдюшов: На основании того массива документов, что Вы обнаружили в архивах, как можно сформулировать типично советский принцип управления футболом: как был организован «футбол по-советски», судя по материалам ЦК? Менялись ли со временем структуры управления футболом?

М. Ю. Прозуменщиков: В 1920-е — в начале 1930-х годов еще было нельзя сказать, что у нас был профессиональный футбол, который прикрывался футболом любительским. Это был любительский футбол, который контролировался и управлялся какими-то общественными организациями. Даже если это и были государственные структуры, всё равно они отдавали все на откуп общественникам. Поэтому я полностью согласен с Бобом Эдельманом в том, что до начала 1930-х годов, т. е. до тех пор, пока не стали появляться спортивные общества, уже напоминавшие наши современные общества, это действительно был неорганизованный футбол. Мы с ним как-то говорили о том, что ранний советский футбол был диким и по уровню своего развития, и по структуре своего управления. Как показывают документы, в те времена советское руководство, как правило, вмешивалось только в тех случаях, когда кому-то надо было куда-то выехать за границу⁹. Или, наоборот, когда к нам кто-то приезжал — те же турки или баски. Как раз баски — это тот случай, когда впервые советские спортсмены поняли, что они из себя представляют в сравнении с зарубежными командами. Потому что до этого отечественные футболисты всех побеждали с разгромными счётами, а тут приехали баски и почти все матчи выиграли. Лишь одна встреча закончилась вничью и еще в одной выиграл «Спартак», усиленный игроками других команд, причем тоже на грани: была масса вопросов и по необъективному судейству, да и по составу — это был не столько «Спартак», сколько сборная из нескольких клубов.

О. В. Кильдюшов: Кстати, эти легендарные баски — тоже были не простые ребята: шесть человек из команды Басконии были членами довоенной сборной Испании, участвовавшей в чемпионате мира 1934 года. Хотя в СССР это подавалось так, что якобы приехали обычные испанские революционеры, рабочая команда...

М. Ю. Прозуменщиков: Конечно, это были профессионалы. Кстати, они приезжали не только в нашу страну. Официально у нас всегда это представлялось так, будто баски приехали именно в СССР, хотя они играли по всей Европе, собирая

---

9. Как показывают сравнительные исследования внешнеполитической роли футбола в первой половине XX века, подобное вмешательство властей в футбольные дела осуществлялось не только в нацистской Германии, но и в либеральной Великобритании: несмотря на то что там спорт в принципе рассматривался как частное дело отдельных лиц или общественных организаций, начиная с конца 1920 годов британское правительство в лице МИДа все активнее вторгалось в сферу футбольной дипломатии. См.: *Koller Ch.* (2007). *Fußball und internationale Beziehungen 1918 bis 1950: Großbritannien, Deutschland und die Sowietunion im Vergleich // Malz A., Rohdewald S., Wiederkehr S.* (Hg.). *Sport zwischen Ost und West: Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19. und 20. Jahrhundert.* Osnabrück: fibre. S. 55–74. При этом примечательны попытки Foreign Office в 1930-е годы препятствовать контактам своих граждан с советскими спортсменами и, напротив, способствовать установлению дружеских связей с немцами. (S. 58–59). — *Прим. О. К.*

деньги на свою борьбу, на гражданскую войну. Тогда это было нормально¹⁰. Но именно тогда на их фоне в Советском Союзе впервые остро почувствовали, насколько отсталым был отечественный футбол. Начиная с 1930-х годов он начал более-менее структурироваться, возникли новые спортивные общества, организации. И очень хорошо заметно, что сразу с момента их создания они оказались под контролем государственных структур. Фактически тогда и начала создаваться система госспорта. Когда применительно к советскому спорту говорят о существовании в нем каких-то спонсоров, покровителей из республик и областей, то это было всё-таки более характерно для послевоенного времени, а в 1930-е годы начала очень чётко выкристаллизовываться именно государственная структура управления: либо НКВД со всеми командами «Динамо», либо армия (ЦДКА), либо «Спартак», т. е. различные кооперативы, но уже собранные вместе. Тогда же появились ведомственные команды с соответствующими названиями: «Торпедо», «Локомотив», «Металлург» и т. д. Причем это были даже не столько заводские команды, как часто думают, а именно ведомственные: их брали под свое крыло и руководили различные наркоматы. И когда начали возникать первые проблемы между командами (кто-то грубо сыграл, у кого-то переманили футболиста и т. д.), то конфликты вокруг футбола сразу поднимались на уровень членов правительства, ведь с ними разбирались уже руководители этих наркоматов. Это уже не была борьба между клубами, заводами или фабриками, здесь все решалось между самими наркоматами. Иными словами, структура государственного управления спортом вообще и футболом в первую очередь уже затронула и высший правительственный уровень.

М. Г. Пугачева: А какую функцию в этой системе выполнял Спорткомитет СССР? Ведь формально именно он должен был регулировать спортивную жизнь страны. Но мог ли он реально выступать здесь модератором, если свои интересы в этой сфере иногда могли иметь такие могущественные члены Политбюро, как, например, нарком внутренних дел Л. П. Берия — главный лоббист системы «динамовских» команд? Чем тогда занимались спортивные функционеры?

М. Ю. Прозуменщиков: Спорткомитет больше выполнял чисто технические функции вроде распределения средств. Также он решал вопросы организационного характера: когда начнётся футбольный сезон, в какое время, сколько команд будут играть, в какой лиге. Зачастую он выполнял ещё одну не очень благодарную функцию: когда принималось какое-то решение под давлением вышестоящих органов и нужно было объяснить это решение, Спорткомитет должен был озвучивать его от своего имени. Все должно было выглядеть так, что это не НКВД решил, что какое-то «Динамо» будет играть там-то, а под это пытались подвести нормативную базу. Кстати, такое положение сохранялось и далее. То есть факти-

---

10. Интересно, что в то же время в Европе предпринимались попытки совершить ответные турне солидарности по контролируемой республиканцами зоне Испании. Например, одна из запланированных поездок футбольной команды английских рабочих была запрещена МИД Великобритании, опасавшимся за репутацию своей «политики невмешательства». См., например: *Edwards J. (1979). The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939. L.: Macmillan. — Прим. О. К.*

чески решения, принимавшиеся на уровне ЦК, представлялись публике как решения Спорткомитета. Даже когда СССР не претендовал на вступление в различные международные федерации, вставал вопрос о том, чтобы кроме Спорткомитета при правительстве был ещё один спортивный орган. Впоследствии происходили сложные изменения структур управления: они объединялись, разделялись, переименовывались. Даже их статус неоднократно менялся. Так, одно время считалось, что Спорткомитет должен быть общественной организацией, которая не может непосредственно подчиняться государству. Но при этом именно он выступал в роли органа, который озвучивает принятые наверху решения. В этом отношении очень показательна драматичная для нашего футбола история с расформированием армейской команды ЦДСА после поражения сборной СССР в повторном матче с Югославией на Олимпиаде 1952 года в Хельсинки. По воспоминаниям самих футболистов, перед игрой им зачитали правительственную телеграмму, подписанную то ли Г. М. Маленковым, то ли самим И. В. Сталиным, в которой недвусмысленно требовалось победить югославов во что бы то ни стало. Когда после проигрыша последовали репрессии против игроков, официально все выглядело так, что подобное решение приняло само руководство Спорткомитета во главе с Н. Н. Романовым. Об этом писали во всех газетах, справочниках, даже в воспоминаниях самих участников, опубликованных ещё в советское время. Хотя для футболистов было страшным ударом незаслуженное обвинение в «нанесении серьезного ущерба престижу советского спорта и советского государства». Но именно такой была функция Спорткомитета.

О. В. Кильдюшов: Следующий вопрос связан именно с далекоидущими последствиями хельсинкской Олимпиады 1952 года, на которой произошел как дебют, так и одновременно первый феноменальный успех советских олимпийцев, сразу занявших второе место в общем медальном зачёте¹¹. Причём советские газеты, ссылаясь на принятую тогда систему подсчёта очков, учитывавшую первые шесть мест, писали о «боевой ничьей» с американцами¹². Таким образом, в руках руководства СССР благодаря спорту неожиданно оказался мощный пропагандистский инструмент — эффективный канал для трансляции политических смыслов вовне и для демонстрации всему миру превосходства советского образа жизни, причём превосходства буквального, физического. Однако опубликованные Вами документы показывают, что в то же время этот инструмент во многом оказался относительно проблемным для высшего партийного руководства. С какими политическими рисками это было связано в первую очередь? Чего больше всего здесь опасались советские руководители?

---

11. В неформальном командном зачете в Хельсинки победила опытная команда США, завоевавшая 40 золотых, 19 серебряных и 17 бронзовых медалей (всего 76). Впервые выступавшая сборная СССР сразу стала второй: 22 золотых, 30 серебряных и 19 бронзовых медалей (всего 71). — Прим. О. К.

12. С учетом мест с четвертого по шестое в Хельсинки получился паритет по числу набранных очков: американские и советские спортсмены набрали равное количество очков — 494. Например, см.: Кильдюшов О. В. (2016). Открытие советской спортивной эпохи // Живая история. Т. 13. № 7. С. 30–37. — Прим. О. К.

М. Ю. Прозуменщиков: Власти боялись озвученного ими же тезиса о том, что победы советских спортсменов должны демонстрировать преимущество советского образа жизни. При этом они прекрасно понимали, что в спорте невозможно побеждать постоянно — всё-таки тогда нашей страной руководили не дураки. Ведь чтобы побеждать всех и всегда, атлеты СССР должны были быть на несколько голов выше представителей других стран. Всем было ясно, что возможны какие-то неудачи и поражения, и это была, так сказать, обратная сторона медали. Не случайно постоянно говорится, что после Второй мировой войны Советский Союз стал великой державой. А великая держава должна быть членом международных спортивных федераций, и уже при Сталине началось вступление во множество организаций, в том числе в Международный олимпийский комитет в 1951 году. В ФИФА СССР вообще вступил в 1946 году, как и в целый ряд других спортивных организаций. При этом советские спортсмены часто не выступали на проводившихся ими соревнованиях. Спортивные власти отказывались пускать их туда под всякими благовидными предлогами: «Сюда мы пока не поедem», «Тут мы не можем участвовать» и т. п., причём страна исправно платила взносы во все эти федерации. Из некоторых международных федераций СССР даже собирались выгнать за отказ от участия в соревнованиях. И все это именно из-за боязни проиграть. Поэтому сначала советские спортсмены ехали только туда, где была стопроцентная уверенность в победе. А если существовала угроза поражения, сразу начинались проблемы с участием¹³.

О. В. Кильдюшов: После неожиданного успеха советских футболистов на Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году, в 1960 году последовала победа в финале первого чемпионата Европы по футболу в Париже. И потом эта золотая серия прекратилась. А когда началось привыкание к поражениям в футболе? Ведь впоследствии сборная СССР регулярно даже не могла квалифицироваться — например, на чемпионаты мира 1974 и 1978 годов, как и на чемпионаты Европы 1976, 1980 и 1984 годов. Можно ли сказать, что уже к 1970-м годам власти, по сути, смирились с этим, и невыход уже не был поводом, скажем, для вмешательства высшего руководства? Или подобные неудачи тем не менее оставались политической проблемой?

М. Ю. Прозуменщиков: Когда после смерти Сталина отечественные представители стали более уверенно выходить на мировую спортивную арену, всё чаще начали проявляться подобные проблемы: ведь чем больше они выступали, тем больше было и поражений. Хотя в абсолютных цифрах побед советских спортсменов тоже стало больше, но неизбежно увеличился процент поражений. И с этим ничего нельзя было поделать. Спорт превратился в достаточно серьёзную и проблемную вещь. Это касалось в том числе футбола, где отечественные команды,

13. Своеобразные параллели можно опять-таки обнаружить в политике британских властей в предвоенный период, когда Foreign Office требовал от Football Association усилить сборную, направлявшуюся на игру в Италию ввиду значимости футбола в фашистском государстве Муссолини. Примечательны в этой связи опасения газеты «Таймс», что регулярные поражения английских команд могут создать впечатления «британского декаданса». См.: Beck P. J. (1999). Scoring for Britain: International Football and International Politics, 1900–1939. London: Routledge. P. 119f.; Times. 2.1.1929. — Прим. О. К.

увы, не достигали слишком высокого уровня или класса. И с этим руководством страны приходится мириться. Постепенно, уже при Хрущёве, к поражениям начали относиться более спокойно, как к неизбежному. Время от времени еще вспыхивают всякие инциденты, когда либо проигрывали не тем (титовской Югославии или франкистской Испании), либо проиграли не вовремя (в стране отмечался какой-то великий праздник, а советские футболисты опозорились на мировой арене). Со временем к этому стали относиться более спокойно, и репрессий уже к концу 1950-х годов по большому счёту не было. При этом 1964 год, когда проиграли испанцам в финале чемпионата Европы, можно не рассматривать, так как там был чисто политический момент. Но всё же в 1960-х годах советский футбол, как бы его ни возносили или, наоборот, ни принижали, ещё держался более или менее на мировом уровне. Вот смотрите: 1960 год — чемпионы Европы, 1964 год — вице-чемпионы Европы, причём проиграли на последних минутах. В 1966 году первый и последний раз за всю нашу футбольную историю отечественная сборная стала четвёртой на чемпионате мира. Когда наша команда в следующий раз займет такое высокое место? Пойдем дальше: чемпионат Европы 1968 года — проиграли матч за третье место, 1972 год — крупно проиграли немцам в финале, но всё-таки заняли второе место на чемпионате Европы. Так что до этого момента советский футбол на международной арене выглядел более или менее достойно, а вот дальше в 1970-х у нас действительно начался провал. Но к тому моменту это уже не было политической проблемой для высшего партийного руководства. Когда в 1976 году сборная СССР, базовым клубом для которой стало знаменитое киевское «Динамо», фактически превратившееся во вторую сборную, на чемпионате Европы вылетела в четвертьфинале, проиграв Чехословакии, и не выиграла Олимпиаду, хотя была сплошь составлена из профессионалов, то футболистов лишь немного пожарили, сказав что-то положенное в таких случаях...

М. Г. Пугачева: В опубликованных Вами документах есть один интересный момент, связанный даже не столько со спортивно-политическими отношениями СССР с международными федерациями или с западными странами, сколько с отношениями со странами-союзниками по социалистическому лагерю, которые пытались манипулировать советским спортом в своих интересах. Как происходило взаимодействие с этими «братскими» республиками на международных соревнованиях? Можно ли было в спорте вообще и в футболе в частности надавить на них административно, так сказать, по линии братских компартий?

М. Ю. Прозуменчиков: Тут советские спортивные политики находились в очень сложном положении, и в этом отношении Спорткомитету СССР в очередной раз не позавидуешь. С одной стороны, они пытались всячески донести до высшего партийного руководства эти негативные моменты в отношениях между братскими социалистическими странами. Дело в том, что друзья из соцстран в большинстве случаев не только не помогали Советскому Союзу на международной спортивной арене, но как раз наоборот, рассматривали ее как место, где они могли отыгаться за всё — за тот путь, что мы им навязали, за то, что ввели вой-

ска, и т. д. Здесь они могли, как говорится, расквитаться за все это. В основном они делали отечественным спортсменам всевозможные пакости, начиная от откровенных столкновений на спортивных аренах и кончая тем, что не выполняли того, что обещали СССР. При этом они всё время просили помощи — дайте нам то, дайте деньги. И тут же делали какую-то очередную гадость, всё время подставляли представителей Советского Союза на международных соревнованиях. Время от времени, когда накапливался клубок подобных проблем, Спорткомитет обращался в ЦК. У нас есть документы, где сообщалось о небратском поведении румын, болгар и др. Постоянные конфликты возникали из-за противостояния с чехами в хоккее. Спортивные функционеры готовили по этому поводу различные предложения, но на уровне ЦК КПСС всё это, как правило, зарубалось. Говорилось о том, что у нас дружба, что мы братья, что ни в коем случае нельзя их обижать, что мы должны их поддерживать и т. п. В нескольких документах партийные органы обещают поговорить с чехословацкими товарищами, но все повторялось вновь. И когда казалось, что отношения с чехами немного урегулировали, в 1976 году хоккеисты СССР вновь встретились с Чехословакией на одном из турниров, и этот матч превратился в самую настоящую бойню. В результате многие советские игроки получили травмы, кому-то даже сломали руку. В общем, обстановка там была совсем не братская. Руководство Спорткомитета в очередной раз написало в ЦК письмо о том, что надо что-то делать, как-то повлиять на чехословацких товарищей, а в ответ получило указания в том духе, что нужно воспитывать хоккеистов, правильно настраивать их на матч, чтобы выигрывать, но при этом не отвечать на грубость и т. п. Это был очень сложный момент.

О. В. Кильдюшов: После того как мы обсудили внешнеполитическую рамку, точнее, спортивную дипломатию в отношении соцстран, предлагаю опять вернуться к внутренним проблемам отечественного спорта — к тому, как институционально было организовано пространство советского футбола. Вы сказали о том, что в центре всей структуры находился Спорткомитет СССР как центральный технический орган, далее шли спортивные общества и т. д. Но из документов Вашего сборника видно, что важнейшими агентами этого поля в позднесоветское время были и ЦК союзных республик. Как это всё функционировало вместе? Понятно, что это была не только высококонкурентная, но и высококонфликтная среда. Но каков был баланс сил между собственно Спорткомитетом, заинтересованными ведомствами и ЦК республиканских компартий — особенно с учетом того, что некоторые первые секретари были членами Политбюро?

М. Ю. Прозуменщик: Действительно, каждый республиканский руководитель рассматривал спорт и прежде всего футбол как средство демонстрации своего могущества. И здесь сложно стопроцентно сказать, чего было больше с их стороны — борьбы за власть или искренней любви к футболу. Мне кажется, тут одно перемешивалось с другим. И в этой пирамиде ЦК КПСС, куда и они обращались как за истиной в последней инстанции, выполнял роль высшего арбитражного суда, принимавшего окончательные решения. Под ним находились министерства,

но только мощные и крупные министерства, первые секретари союзных республик и первые секретари различных крайкомов/обкомов — они по уровню были примерно равны. Это были основные игроки на этом поле, которые, как правило, решали вопросы — либо между собой, либо в общении с подчиненными, которым давались указания. Нужно пояснить, что, когда я говорил про министерства, речь шла, естественно, об общесоюзных министерствах, поскольку местные министерства подчинялись напрямую первым секретарям. Но в тех случаях, когда силы оказывались более или менее равными, вот здесь требовался арбитраж, и тогда ЦК КПСС выступал последней инстанцией. Причём очень часто по документам невозможно понять, как именно принимались решения. Видимо, какая-то часть обсуждения велась устно. Для крупных руководителей футбол был сферой, где они могли показать свой властный ресурс. Это видно не столько из документов, сколько из воспоминаний некоторых ответственных работников ЦК, которые рассказывают о том, что на различных встречах, приёмах и даже на партийных съездах и пленумах те откровенно хвастались друг перед другом: «Мы уже играем во второй лиге, а вы ещё где-то там внизу». Для них это было борьбой за престиж. Не случайно, когда какая-то команда вылетала откуда-то, сразу начинались аппаратные дразги, мобилизовались все силы: «Вы посмотрите, какие заслуженные люди просят — и трудящиеся, и члены партии с одна тысяча какого-то года!» Всё это сразу направлялось в ЦК КПСС при поддержке первого секретаря. И в этих петициях приводились такие обоснования: «Если вы нас не поддержите, это сильно ударит по нашей молодежи!» То есть сознательно делался акцент на подготовку молодых футболистов, для которых наличие в регионе «команды мастеров» являлось серьезным стимулом. Здесь нужно иметь в виду, что команда мастеров, которая играла в высшей лиге, имела право на определённую инфраструктуру, на дублирующий состав, а все это была молодёжь. Тем самым как бы говорилось центральным властям: «Мы можем воспитывать свою талантливую молодёжь и готовы выделять на это деньги». Постепенно все это превращалось в действительно крупный, как тогда говорили, народно-хозяйственный механизм, который должен был функционировать в рамках существовавшей системы. Понятно, что он сопровождался столь же мощной аппаратной борьбой за ресурсы.

М. Г. Пугачева: А почему не было аналогичной борьбы за престиж в других сферах? Почему советские начальники не хвастались друг перед другом успехами в каком-то виде искусства — например, «моим симфоническим оркестром» или «моей балетной труппой»? Почему всего этого не было, а был именно спорт?

М. Ю. Прозуменчиков: Ничего этого не было, предметом гордости был спорт и по большей части именно футбол. Балетная труппа — это, конечно, прекрасно, но кто о ней знает среди широких масс? Понятно, что есть и любители балета, но представьте, что тут целый стадион забит людьми. Даже если не брать культурный уровень руководителей ЦК этих национальных республик, которые должны были показываться в правительственной ложе и на балете, то понятно, что им, конечно, был ближе футбол. В нем они уж точно больше понимали, к тому же для них здесь

был определённый стимул: если местный клуб давал игроков сборной СССР, это тоже позволяло отчитаться наверх еще по одному важному показателю. Это был индикатор успешности, поскольку в больших отчётах первых секретарей перед ЦК отдельной строкой проходило развитие спорта. И в них указывалось, сколько членов сборных подготовили. Особенно если это были свои, выращенные из местных кадров, а не перекупленные на стороне футболисты. Ведь тогда большую роль играла собственная школа, свои доморощенные спортсмены: воспитанник местного клуба дорос до такого уровня...

М. Г. Пугачева: Кого из партийной верхушки — и в ЦК, и на местах — можно считать совершенно очевидными футбольными фанатами, занимавшимися этим, так сказать, не по долгу службу, а из-за любви к самой игре?

М. Ю. Прозументиков: Были там и такие. Если называть конкретные имена, я сразу сказал бы про партийного руководителя Москвы В. В. Гришина — это сто процентов. Он был ярким поклонником «Спартака» и всячески пытался спасти команду от «вылета» в 1976 году. Мне кажется, что член Политбюро, секретарь ЦК А. П. Кириленко тоже очень любил футбол. Применительно к сталинскому времени можно вспомнить Л. П. Берия, Василия Сталина и комсомольского лидера А. В. Косарева. И на местах их было достаточное количество, просто я сейчас с ходу не назову. Это видно даже по письмам, которые приходили в ЦК. Кому-то из местных руководителей явно просто принесли и попросили подписать обращение в ЦК, а кто-то писал сам очень старательно, действительно болея за свой регион. Кстати, в этих документах фигурирует один крупный военный, генерал И. М. Третьяк, служивший в разных регионах СССР. У меня сложилось впечатление, что он тоже был большой поклонник футбола, потому что есть несколько его писем в ЦК, в которых он, естественно, отстаивал интересы военной команды того или иного региона. Так, команду войсками на Дальнем Востоке, он писал по поводу того, что календарь составлен неправильно, что дальневосточные команды не могут играть на равных, а также высказывался в защиту каких-то конкретных футболистов. Я не думаю, что этот человек писал под каким-то давлением, тем более из разных мест. Видимо, он действительно был фанатом футбола.

О. В. Кильдюшов: Следующий вопрос связан со сближением или расхождением спортивно-политических практик в СССР с теми образцами, которые утвердились в большом спорте на Западе. Вы сказали о всё большей интенсификации контактов, начиная с 1950-х и особенно в 1960–1970-е годы, когда присутствие советской команды на международных соревнованиях стало нормой. Насколько можно говорить о том, что советский спорт высших достижений постепенно сближался с западным? Произошла ли к концу существования СССР частичная «нормализация» советского спорта или он всё равно был отмечен родимыми пятнами сталинской системы? Была ли в нем какая-то институциональная динамика, какая-то тенденция к нормализации, скажем, в 1970–1980-х годах? Или вся эта специфическая структура госспорта неизбежно оставалась отчасти коррупцион-

ной конструкцией, когда реальные профессионалы, в т.ч. выдающиеся атлеты, выдавали себя за любителей, числились студентами, военными и т.д.?

М. Ю. Прозуменщиков: Если и была какая-то тенденция сближения, то только в каких-то отдельных областях. А в целом структура до конца 1980-х гг. оставалась достаточно жёсткой, неповоротливой, и не случайно потом начали возникать проблемы с первыми спортсменами, которые захотели уехать на Запад в рамках горбачевской политики открытости. Сразу начались такие скандалы, как с хоккеистом Александром Могильным, который как военнослужащий имел звание лейтенанта. То же самое касается знаменитого киевского динамовца Олега Блохина: он тоже был майором МВД и с трудом увольнялся из органов. Вся эта структура искажала все отношения в целом. Конечно, в чём-то, в каких-то мелочах мы понемногу сближались с западным спортом. Например, тем же шахматистам уже стали платить более существенные суммы. Ведь система финансовой мотивации спортсменов была, по сути, та же самая, что и на Западе. Но в целом все это наше спортивное «любительство», несмотря на фактический профессионализм, вся эта жёсткая зависимость от государственных структур почти не изменилась, сохранившись до конца 1980-х годов.

М. Г. Пугачева: Если сравнивать советский футбол с футболом западным, то на первый взгляд может показаться, что проблемы, которые всё время возникали — борьба за игроков, поиск финансирования, конфликты между клубами и т.д., — были теми же самыми, что и на Западе, только у нас всё решал ЦК КПСС.

М. Ю. Прозуменщиков: Поясню главное различие двух систем: если не брать спортсменов-любителей, которые до начала 1970-х только и могли выступать на олимпиадах, большой футбол на Западе изначально совершенно открыто был профессиональным и коммерческим. И там все вопросы решались на чисто коммерческой основе. Если какой-то футболист хотел куда-то перейти или начинал выступать за какой-нибудь клуб, он заключал с ним договор, где прописывались определённые деньги, которые он должен был получить. В случае преждевременного ухода он должен был заплатить неустойку. Если возникали какие-то недоразумения, их решали между собой два клуба с помощью юристов и, как правило, в денежном эквиваленте. У нас же ничего этого не было, не было никаких договоров, поэтому переходы футболистов стали проблемой. Спортивные власти пытались с этим активно бороться, принимали положения, но всё получалось как бы незаконно. Дело в том, что действовавшая тогда система сама была как бы полуподпольной. На Западе все решалось очень просто: контракт, неустойка, деньги. А здесь иногда футболист не мог свободно перейти куда-то, если им интересовалось то же киевское «Динамо», поскольку этому клубу покровительствовал лично В. В. Щербицкий — в 1970-е годы самый могущественный из первых секретарей ЦК союзных республик. Ведь это была не какая-то республика, а Украина! И поэтому там делали, что хотели. Какой там договор или контракт! Часто просто явочным путём забирали игрока, даже не обращая внимания на то, служил ли он в армии или нет. И если в других республиках игроков еще старались аккуратно

заманивать: «Мы тебе дадим квартиру, машину и т. п.», то здесь их просто забирали у остальных украинских клубов — у «Черноморца», «Шахтёра», «Днепра» или «Карпат». Таким образом, советские футболисты тоже были профессионалами, которые играли по 10 месяцев в году, но здесь была совершенно другая система, которую невозможно себе представить на Западе. Причём в ЦК постоянно поступали жалобы на то, что творилось в футболе, а в ЦК — как и в случае с соцстранами — не хотели портить отношения и призывали искать какие-то варианты, а виновным при этом оказывался Спорткомитет: «Почему допустили? Куда смотрели?» и т. п. А что он мог сделать в этой ситуации? Неоднократно предпринимались попытки принять определенный регламент в данной сфере, но эти правила не соблюдались. Через полгода или год после принятия таких решений все республики и области отчитывались, рапортовали, что сделали то-то и то-то. Но через год выходило новое решение ЦК, в котором констатировалось, что ничего из ранее принятого не выполняется. И это очень характерно для позднего Советского Союза.

О. В. Кильдюшов: Говоря о структуре советского футбола, мы сейчас с союзного уровня спустились на уровень национальных республик. Поэтому следующий наш вопрос именно о распространенном там национализме — о той его разновидности, что в теории национализма часто именуется «банальным», то есть о неидеологическом, повседневно практикуемом национализме. Опубликованные Вами документы ясно показывают, насколько он был характерен не только для партийных лидеров этих республик, но и для местной общественности. В них обсуждаются несколько вопиющих случаев с применением насилия, произошедших на футбольных матчах в Закавказье — в Грузии и Армении. Насколько высшее политическое руководство СССР воспринимало в качестве проблемы подобную национализацию через спорт, когда тот же футбол фактически становился катализатором бытового национализма? Ведь на трибунах стадионов жители этих республик болели не только за «своих» футболистов, но и против «чужих» как представителей других национальностей и других республик. Можно ли по архивным документам понять, в какой мере партийные органы понимали это? Или же, напротив, футбол выступал не только как инструмент проявления национальных интересов, но и как механизм снятия межнационального напряжения?

М. Ю. Прокуменщиков: Да, действительно в этом что-то есть. С одной стороны, каждый раз после таких событий собиралось Политбюро или Секретариат, где все это обсуждалось, принимались какие-то меры, решения. Но, опять-таки, зачастую они были однотипные: углубить, усилить, провести идеологическую работу и пр. Поэтому сложно сказать, насколько партийные руководители реально осознавали, что здесь могла скрываться серьезная опасность. Но я не исключаю того варианта, что они действительно рассматривали эти происшествия как своеобразные выплески негативной энергии — ведь лучше пусть это происходит на стадионе, чем на улицах городов. У нас есть любопытные документы начала 1950-х годов, связанные с аналогичной ситуацией в Венгрии, когда там уже начали зарождаться проблемы и наши спортсмены — не только футболисты, но и волейбо-

листы, борцы и другие — получали очень негативный прием. Причем было видно, что такое отношение подпитывается самими организаторами соревнований, что это не просто выплеск с трибун. Я не помню сейчас точно того, кто это писал, но там делался такой вывод: возможно, таким образом венгерские руководители хотят выплеснуть накопившуюся негативную реакцию. Видимо, такая мысль была у советских руководителей ещё в 1950-е годы, но применительно к другому событийному фону. Не исключено, что потом ее просто перенесли на события внутри страны. Я думаю, что они в какой-то степени это понимали. Другое дело, что они могли считать так: ну, выплеснется эта негативная энергия, и ладно — потом все успокоится, ее не рассматривали как нечто серьёзное. Это видно по тому, что наказания за эксцессы на самом деле были довольно мягкие. Почему-то в Советском Союзе все футбольные и вообще спортивные инциденты не рассматривались как серьёзные правонарушения с далекоидущими последствиями. Да, они обсуждались в ЦК, но, вероятно, там тоже боялись касаться темы межнациональных отношений, ведь официально у нас была дружба народов, поэтому такого просто не могло быть. Так что эту тему пытались не педалировать и всегда во всех справках, посылавшихся для отчётов по этим событиям, виновными обязательно объявлялись конкретные судьи или футболисты, которые неправильно себя вели, что-то там спровоцировали и т. д. Хотя были случаи, когда на стадион уже приходила явно заряженная толпа, которой было достаточно любого повода. Как однажды произошло в Тбилиси, где даже перевернули машину скорой помощи. Причем сам матч мог пройти как угодно, всё равно зрители были уже заранее подогреты. Но об этом никогда не упоминалось. Всегда говорилось одно и то же: что-то случилось на поле и люди не выдержали.

М. Г. Пугачева: А были ли уже тогда, в советское время, какие-то инциденты между болельщиками Армении и Азербайджана?

М. Ю. Прокуменщиков: Документов о них я не встречал, хотя долгое время «Нефтчи» и «Арарат» вместе играли в одной лиге. Правда, «Нефтчи» выше третьего места не поднимался, а «Арарат» даже однажды становился чемпионом СССР. Но нет ни одного документа о каких-то конфликтах.

О. В. Кильдюшов: А как по документам ЦК выглядит распад системы советского футбола? Как быстро она схлопнулась?

М. Ю. Прокуменщиков: Прежде всего следует сказать — и это очень интересно! — что при М. С. Горбачеве и вообще ближе к концу советского периода почему-то сильно сокращается количество документов о спорте в ЦК КПСС. Возможно, они попали в Архив Президента, может быть, ещё куда-то, но документов стало очень мало. То ли ими уже не интересовались, то ли вопрос отпал сам собой. Даже с учетом еще не рассекреченных, поступление этих документов в аппарат ЦК КПСС вообще стало сокращаться. И лишь когда спорт начал уже непосредственно пересекаться с политикой, с распадом Союза, вновь появляются документы, например, о том, что Грузия и Литва отказались выступать в чемпионате СССР, или заявление какого-то украинского деятеля о том, что Украина прекрасно смо-

жет провести свой собственный чемпионат без Советского Союза. В связи с этим вновь пошла волна документов, но в целом в горбачёвский период заметно идёт по нисходящей количество документов не только о футболе, но и о спорте вообще.

О. В. Кильдюшов: Завершить наш разговор я хотел бы вопросом к Вам уже не как к архивисту и публикатору документов, а именно как к историку советского спорта. Какие исследовательские перспективы Вы видите сейчас в этом предметном поле? Какие интересные тренды здесь намечаются для Вас?

М. Ю. Прозуменщиков: Я думаю, что в нашем разговоре мы коснулись лишь небольшого пласта истории советского спорта. Это действительно очень интересная тема, и я её сейчас рекламирую вовсе не потому, что сам ею занимаюсь, а потому что здесь остается ещё очень много того, что можно глубоко копать, изучать и исследовать в самых разных аспектах. Ведь огромное количество исторических событий в области отечественного спорта, по сути, пока остается за кадром. Даже 1940-е годы, спорт во время войны — эта тема совершенно нетронута, как и послевоенный период. Конечно, мы знаем, что кто-то куда-то ездил, какие команды встречались, что было знаменитое турне московского «Динамо» и т. д. Но по большому счёту, по-настоящему, до сих пор очень плохо изучено то, как эволюционировал советский спорт. Практически нет серьезных работ о том, когда произошло изменение его базовых понятий, идеологических ориентиров: ведь если раньше спорт удовлетворял внутренние потребности или служил защите родины, то во второй половине 1940-х годов он начинает формировать внешнее представление о нашей стране, об уровне ее развития. Отныне мы должны были не просто побеждать, потому что сильны и готовы к войне, а потому что тем самым подтверждалось преимущество социалистического строя. И вот этот момент перехода пока не описан в историографии. Также нам кажется, что мы хорошо знаем ситуацию в советском спорте в 1950–1960-е годы, но и там есть очень много интересных вопросов, причем не только про футбол, но и по другим видам спорта.

О. В. Кильдюшов: А теперь разрешите задать Вам самый последний вопрос — уже не от своего имени, а от имени моих друзей — фанатов разных клубов, которые постоянно спорят друг с другом о том, за какую команду болел Л. И. Брежнев? Одни говорят, что за «Спартак», другие — за ЦСКА. Можете ли Вы ответить на этот вопрос, опираясь на архивные данные? Мои друзья будут Вам очень благодарны за прояснение этого вопроса!

М. Ю. Прозуменщиков: Наверное, я тоже не смогу однозначно ответить на него, потому что, с одной стороны, о Брежневе всегда говорили, что он болеет за ЦСКА, что он вместе с министром обороны маршалом А. А. Гречко ездит на хоккейные матчи, но с другой стороны, остались его пометки, рукописные записи, где он пишет: «Смотрел, как ЦСКА проиграл «Спартаку». Молодцы играли. Хорошо». Речь идет о футбольном матче, в котором «Спартак» победил ЦСКА 2:1, и в данном случае сомневаться не приходится, что Брежнев болел за «Спартак». Если немного «порыться» в записях генсека, то обнаруживается интересная картина: применительно к ЦСКА, кроме упоминаний о посещении матчей ЦСКА — «Спартак»,

Брежнев пишет лишь о посещении одной хоккейной игры с «Динамо» и о том, что он как-то смотрел по телевизору футбольный матч ЦСКА — «Нефтчи» (Баку). А вот что касается «Спартака», то в записях (опять же, кроме матчей с ЦСКА) дважды упоминаются игры с «Динамо», а также посещение таких, казалось бы, совершенно не ключевых матчей, как «Спартак» — СКА (Ленинград), «Спартак» — «Автомобилист» (Свердловск). Как говорится, выводы делайте сами...

Soviet Football According to the Documents of the CPSU Central Committee: An Interview with M. Prozumenshchikov

Mikhail Prozumenshchikov

Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Russian State Archive of Recent History

Address: Sofiyskaya naberejnaya, 34, bld. 1, Moscow, Russian Federation 115035

E-mail: rgani@gov.ru

Oleg Kildyushov

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Marina Pugacheva

Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics

Deputy Editor-in-Chief of the Russian Sociological Review

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

E-mail: puma7@yandex.ru

Football has become much more than a simple game over the past hundred years. Football has become a factor in global policy, affecting not only the minds and souls of hundreds of millions of fans, but also the political, economic, and social aspects of modern life. This interview with M. Prozumenshchikov, the leading researcher of Russian sports and one of the editors of the collection of documents revealed from the Russian State Archive of Recent History, was invited to talk about the creation of the Soviet system of party control over big sport (and, above all, over football), about the views of the leaders of the USSR on the possibility of using football for ideological purposes, and about the role of the Soviet state in the support and development of the mass football movement. The issues of the archival system of documents on sports in the USSR were also touched upon. At the very beginning, the history of the rise of a line of publications dedicated to sport mega-events involving Soviet athletes such as the 1980 Summer Olympics, the 2014 Winter Olympic Games, and big football matches was discussed. Furthermore, the researcher talked about the difficulties associated with finding relevant documents about Soviet sport in the existing archival landscape of modern Russia. The main part of the conversation was devoted to the structural problems of national sport, beginning with the early USSR and ending with the disintegration of the state sport system under M. Gorbachev. The most important problems of the sports movement in the Soviet Union, such as the internationalization of Soviet sport, in general, and the sport relations with the countries of the Socialist Block, in particular, as well as the balance

of power between the Central Committee and the Sports Committee and other significant actors of this field, the trivial nationalism in the bleachers at the Soviet stadiums, and other topics were also discussed. The interview ends with a discussion of the prospects for historical sports research.

Keywords: archives of the Russian Federation, the USSR, sports, football, the Central Committee of the CPSU, Sport Committee, nationalism